

В АПРЕЛЕ 82-го печать США сообщила о намерении президента Рейгана устроить обед в честь группы советских «диссидентов», перебравшихся на Запад. Приводился список приглашенных — с десяток фамилий, ничего, впрочем, не говоривших ни уму, ни сердцу рядового американского потребителя сей информации.

Между тем затевалось событие незаурядное. Недаром его приурочили к возобновлению долго Вашингтоном оттягивавшихся советско-американских переговоров по разоружению. Тем самым демонстрировалась действенность взятой рейгановской администрацией на вооружение «двухколейной» политики в отношении нашей страны. (По одной более с частыми, продолжительными остановками плелся советско-американский диалог, а по другой, устрашающе гудя и обжигая искрами, на всех парах мчался локомотив конфронтации.) Для полноты картины напомним, что в ту пору в Вашингтоне были в ходу разговоры про допустимость «ограниченных» ядерных конфликтов; государственный секретарь США Хейг заявил, что есть, мол, вещи и поважнее, чем мир, а главный кремленолог Белого дома Пайпс фактически предъявил нам ультиматум: или отказ от нашего строя, или война.

Словом, званный обед для «диссидентов» замыслился важной пропагандистско-политической акцией. Недоставало лишь личности, способной придать этой затее должный лоск и звучание.

И вот — новое сообщение: своим присутствием обед в Белом доме украсит изгнанный из СССР нобелевский лауреат, выдающийся писатель, мыслитель и борец за права человека Александр Солженицын. Заодно будет, мол, повод уладить семилетней давности инцидент, когда прежний президент США Форд, хоть и выбросивший из своего обихода слово «разрядка», принял Солженицына по совету Киссинджера отказавшись, дабы «не гневить» советское руководство. Рейган

углу — малюсеньком, нанесенном лишь на самые мелкомасштабные карты городке Кэвэндиш в столь же крошечном штате Вермонт. Край этот славится первозданной природой и слывет исконной обителью янки, но Солженицыну, должно быть, приглянулся тем, что напоминает русский Север, а расположен вдали от шума и суесть американской жизни. В поисках полного уединения писатель наглухо отгородился даже от немногочисленных — менее полутора тысяч душ — жителей Кэвэндиша, купив два гектара земли с непривычным для американцев забором, жилым коттеджем и трехэтажным зданием, где в придачу к рабочим помещениям оборудовал часовню и классную комнату для занятий со своими детьми, — и с тех пор оттуда ни шагу.

Соседи Солженицына не на шутку обиделись. В США принято в пределах своего «комьюнити»¹ активно друг с другом общаться, а здесь в кои-то веки мировая знаменитость пожаловала — и на тебе, нос от местных воротит. Когда волна недовольства докатилась до усадьбы Солженицыных, ее хозяин послал жену на воскресную службу в поселковую церковь — объясниться с народом. Там она с успехом проделала то, что в Америке именуют «паблик рилейшнз»²: поблагодарила жителей Кэвэндиша за проявленное гостеприимство и призвала с пониманием отнестись к поведению мужа, ибо тот полностью поглощен литературным трудом.

Что правда, то правда: работает Солженицын по двенадцать часов в сутки без выходных. Американцы сами народ работающий и ценят это в других. Так или иначе, общечеловеческая Кэвэндиша полученными разъяснениями удовлетворилась.

Так они с тех пор и живут — рядом, но врозь. Дети Солженицыных, правда, ходят в местную школу. Году в 84-м один мой коллега-известнец был приглашен в Кэвэндиш выступить перед учениками. Разгорелась дискуссия, в которой тон задавал светловолосый пухлощекий парнишка лет тринадцати. Он и вопросы интересные ставил, и говорил со знанием дела, а

рая на своего кумира с умиленным восторгом. Схватившее телекамерами, это общее выражение лиц держалось на экране еще минут пять, пока выступавший через переводчицу воздавал хвалу тем, кто его поддержал в годину испытаний. Но потом Солженицын перешел к сути дела, и объектив зафиксировал незабываемую метаморфозу: лица присутствовавших стали вытягиваться, мрачнеть, каменеть. Тишина, с какой внимали оратору, из упоенной сделалась гнетущей, с телеэкрана почти ощутимо повеяло холодом отчуждения. Окончание речи было встречено жидкими аплодисментами.

Через пару дней, оправившись от шока, заокеанская пресса сменила милость на гнев и разразилась откликами, смысл которых сводился к тому, что Солженицын на поверку оказался-де человеком неблагодарным, строптивым, совсем не таким, каким его себе представляли простодушно-доверчивые американцы; вдруг обнаружилось, что он — закоснелый консерватор, монархист и чуть ли не крепостник. После чего о нем — ни слуху, ни духу. Поскольку наша печать, не без злорадства упомянув гарвардский инцидент — мол, за что американцы боролись, на то и напоролась, — затем тоже как бы вычеркнула Солженицына из списка живых.

Чем же Солженицын американцам так досаждает? А тем, что пренебрег — то ли по незнанию, то ли по привычке резать правду-матку в глаза — одной их особенностью: болезненным восприятием критики в собственный адрес. Бытующий в США плюрализм мнений имеет не столь уж широкие, как со стороны кажется, рамки. Солженицын же посмел за них выйти, пустившись в рассуждения о достоинствах и недостатках западной демократии. Отметив, что на Востоке люди беднее в материальном отношении, зато богаче в духовном, чем люди на Западе, он упрекнул последних в гордыне: призывали всех и вся мерить на свой аршин и считают собственное общество идеальным образцом для всеобщего подражания.

содержанию, и снисходительно отнесется к моей попытке воспроизвести его форму. Остается добавить, что свое послание Рейгану Солженицын снабдил грифом «лично, конфиденциально». Из этого следует, что для посторонних глаз оно не предназначалось, пока приводящие обстоятельство не побудили автора предать его огласке.

«Уважаемый господин президент!
Я восхищаюсь многими сторонами Вашей деятельности, рад, что Соединенные Штаты обрели, наконец, такого президента, как Вы, и беспрестанно благодарю Бога за то, что он не дал Вам погибнуть от пуль злодея»³.

Но я никогда не домогался чести быть принятым в Белом доме — ни при президенте Форде (этот вопрос поднимался той стороной помимо моей воли), ни позже. В последние месяцы по различным каналам до меня доходили завуалированные вопросы о том, на каких условиях я принял бы приглашение в Белый дом. Я всегда отвечал, что готов к обстоятельной беседе с Вами в обстановке, которая позволяет полезный, глубокий обмен мнениями, а не сводилась бы к сугубо формальной церемонии. Отпущенный мне срок жизни не оставляет времени для символических встреч.

Мне, однако, было объявлено (по телефону неким советником Пайпсом), что вместо личной встречи с Вами назначен обед с участием политэмигрантов. Ссылаясь на те же источники, пресса распространила о предстоящем обеде для «советских диссидентов».

В представлении русского человека, однако же, писатель, художник ни к той, ни к другой группе не принадлежит. Я не могу допустить, чтобы меня относили к чужой категории. Более того, факт, форма и дата приема были определены и переданы в прессу еще до того, как об этом известили меня. Я и по сей день не получил каких-либо разъяснений на сей счет — даже имен тех, в чьем числе приглашен на 11 мая.

ГЛОБУС «АР»

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН:

НОВЫЕ ЧЕРТЫ ЗНАКОМОГО ЛИЦА

тогда подверг Форда критике, а теперь вот, заступив на его пост, готов загладить обиду, пусть и не им Солженицыну нанесенную...

Интерес к встрече в Белом доме миглом возрос: Солженицын остальным приглашенным на обед не чета, объяснять американцам, кто он и что он, не надо. Сказать, что он стал в США властителем, было бы преувеличением — там вообще к литературе подход иной, чем у нас. Тем не менее «Архипелаг ГУЛАГ» (как ранее по той же очевидной причине — «1984» Оруэлла) включен в список внеклассной литературы для тамошних школьников. И это при том, что каких-либо других современных произведений русскоязычных авторов подавляющее большинство американцев не знает, в чем многократно довелось убедиться во время теле- и радиодискуссий с местными жителями, в том числе людьми известными и начитанными.

Обещанный визит Солженицына в Вашингтон подавался наподобие того, как заокеанское телевидение рекламирует очередные серии «мыльных опер»: прервет ли русский отшельник свое многолетнее добровольное заточение? готов ли он отречься от ереси, приведшей к его отлучению от американского общества? состоит ли, таким образом, его примирение с местным образом жизни и мышления? Еще пуще любопытство публики раздражали слухи о том, что в Белом доме колеблются: звать-таки Солженицына в гости или не звать?

Тут опять хочу дать некоторые пояснения, исходя из того, что видел и читал сам. (До командировки в Соединенные Штаты я пять с лишним лет проработал в соседней Канаде, так что практически вся жизнь Солженицына за океаном — в той, разумеется, части, которая предавалась огласке, — протекала на моих глазах.)

По приезду в США Солженицын поселился в самом что ни на есть медвежьем

по окончании встречи, когда его сверстники разошлись, продолжил беседу с московским гостем наедине.

— Как тебя зовут? — любопытствовал коллега.

— Ермолай.

— Диковинное имя для американца!

— Я русский, моя фамилия — Солженицын...

В недавно опубликованном «Книжном обозрении» интервью Курт Воннегут не одобрительно отозвался об образе жизни русского собрата по перу: «Он не интересуется своими соседями, он все еще как бы в Советском Союзе». Только ли в одержимости Солженицына своими грандиозными литературными замыслами дело? Мне кажется, нет. Из памяти не выходит его выступление в Гарвардском университете, увиденное по канадскому телевидению в 1978 году, и то, что за этим последовало.

К тому времени слава Солженицына в Соединенных Штатах достигла апогея. Триумфально обставили и его визит в самый престижный американский вуз, куда его пригласили, чтобы вручить почетный диплом. Тысячи людей, невзирая на дождь, собрались в сосновой роще поглядеть на легендарную личность, бросившую вызов системе, к которой американцы в ту пору относились с враждебной подозрительностью. Апофеозом должна была стать речь виновника торжества — ее предвкушали будто слово пророка.

В застегнутом на все пуговицы френче, с необычной, по американским стандартам, окладистой бородой и той особой духовностью в облике, какой выделяются православные верующие, Солженицын в тот день и впрямь походил на пророка. Когда славословия в его адрес наконец смолкли и он достал из нагрудного кармана текст выступления, толпа затаила дыхание, взи-

¹ Община.

² Умение наладить отношения с окружающими.

Между тем, по Солженицыну, в западной модели демократии нарушен закон равновесия прав и обязанностей, за что она расплывается падением нравственности.

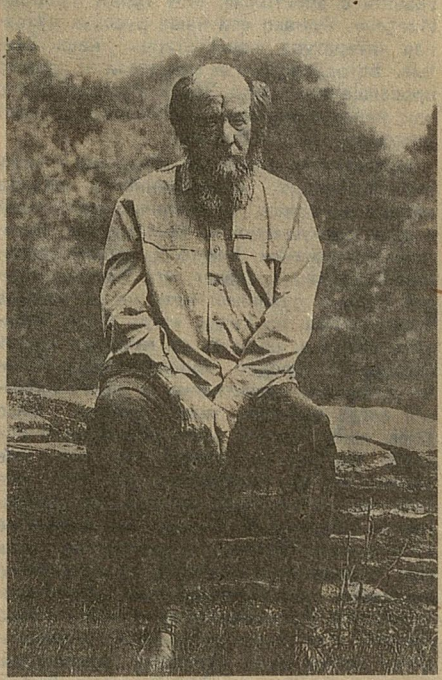
...Вот, стало быть, что предшествовало приглашению Солженицына на прием в Белый дом, вот почему там, не особо стеснясь, прикидывали, что будут с этой встречи иметь, и вот отчего вся эта история вызвала в США такой резонанс. Тем сильнее оказался конфуз, когда Солженицын на президентский обед не явился. Вышло почти как в поговорке: хозяева Белого дома предполагали, а их гость располагал.

Тогда те, кого случившееся больше всего уязвило, включили систему «дэмидж контроль»³. Поползли размножаемые прессой всевозможные слухи, в их числе и такой: мол, Солженицын не пожелал сесть за один стол с остальными приглашенными из-за своего антисемитизма. Что-то, а манипулировать прессой, подстраивая «нечаянные» утечки информации, в рейгановской администрации умели.

Дабы прекратить распространение порочащих его домыслов, Солженицын через жену предложил газете «Вашингтон пост» опубликовать текст своего письма главе Белого дома с изложением истинных причин, по которым он отклонил приглашение на званный обед. Уговаривать «Вашингтон пост» не пришлось. В то время она стояла в открытой оппозиции к правительству и тут же напечатала сей примечательный документ под заголовком, который, если передавать его дух, а не букву, звучит так: «Солженицын отвечает Рейгану: «Покорно благодарю».

За неимением оригинала привожу дословный перевод письма с английского на русский. Надеюсь, читатель проникнется пониманием, сколь оно незаурядно по

³ Жаргонное выражение американских политиков, дословно означающее «меры по ликвидации аварии».

ЭПИЗОДЫ
ЖИЗНИ
34
ОКЕАНОМ

Хуже же всего то, что в прессе загодя получили огласку перемены в настроениях и колебания Белого дома, причем называлась причина нежелания пойти на личную встречу со мной, да еще в выражениях, которые не были опровергнуты или поправлены Белым домом: я якобы «превратился в символ крайнего русского национализма». Подобная формулировка оскорбительна для моих соотечественников, чьим страданиям я посвятил свою писательскую жизнь.

Я вовсе не «националист» — я патриот. Сие означает, что я люблю свою Родину и поэтому хорошо понимаю любовь других людей к их родине. Я много раз публично заявлял, что жизненные интересы народов СССР требуют немедленного прекращения всяческих советских попыток покорить земной шар.

Если к власти в СССР придут люди, разделяющие мои убеждения, первым делом они уйдут из Центральной Америки, Африки, Азии и Восточной Европы, дабы не мешать всем этим нациям самим вершить свою судьбу. Их следующим шагом было бы прекращение смертоносной гонки вооружений и сосредоточение всех сил нации на исцелении внутренних, почти вековой давности ран находящегося при смерти населения. Вне всякого сомнения, они распахнут настежь ворота перед теми, кто пожелает выехать из нашей несчастной страны.

Но удивительное дело! Кое-кого из Ваших ближайших советников это все не устраивает! Им подавай что-то иное, а такая программа для них — «крайний русский национализм». Некоторые же американские генералы предлагают выборочное уничтожение русского населения путем атомного нападения.

Как ни странно, сегодня русское национальное самосознание внушает величайший в мире страх к правителям СССР — в том числе и в Вашем окружении. Это проявление враждебности к России как таковой — к ее народу, стране, а не к государственному строю — присуще значительной части американского ученого мира и американских финансовых кругов и даже, увы, отдельным Вашим советникам. Такие умонастроения пагубны для будущего обеих наших наций.

Господин президент!

Мне тяжело писать это письмо. Полагаю, однако, что если бы где-то встречу с Вами сочли нежелательной, потому что Вы — американский патриот, Вы бы тоже почувствовали себя оскорбленным.

Если, перестав быть президентом, Вы однажды заедете в Вермонт, милости прошу ко мне в гости.

Поскольку этот эпизод уже получил широкую превратную огласку и вполне вероятно, что причины моего неучастия также будут извращены, я, разумеется, буду вынужден опубликовать это письмо. Не обессудьте.

С искренним уважением

Ваш Александр СОЛЖЕНИЦЫН.

С той поры Солженицын так и не припал на колени перед властью имущими США, как это, например, сделал — в буквальном смысле — Михаил Барышников на гала-концерте в честь переизбрания Рейгана президентом. Книжки Солженицына издаются и переиздаются, но в силу высокой цены и низких тиражей доступны лишь страстным любителям беллетристики, а таких за океаном, по нашим меркам, немного. Та самая ситуация, которую в одной из теледискуссий со мной признал, оправдывая ограниченный кругозор соотечественников, прежний директор Информационного агентства США Чарлз Уик: «В нашей стране не существует запретов на публикации, но то, что публикуется, подчас имеет хождение лишь в узком кругу».

Словом, в Соединенных Штатах у Солженицына нет подобающего его рангу «паблисити». А нет его прежде всего оттого, что творчеством крупнейшего писателя современности американские «масс-медиа» не интересуются. Правда, в прошлом году «Голос Америки» предоставил Солженицыну эфир по случаю его семидесятилетия, но на США эта радиостанция не вещает. Да еще этим летом журнал «Тайм» напечатал интервью с ним, где, кстати, повторено много из того, о чем говорилось в письме Солженицына Рейгану: не иссякает поток лживых слухов и домыслов, продолжают приклеивать ярлыки — «обскурантист», «монархист», «националист». Впрочем, обо всем этом Солженицын сказал еще в гарвардской речи: «Безо всякой цензуры на Западе осуществляется придирический отбор мыслей модных от мыслей немодных — и последние, хотя никем не запрещены, не имеют реального пути ни в периодической прессе, ни через книги, ни с университетских кафедр».

Все течет, но в положении Солженицына в США ничего, по большому счету, не изменилось.

Александр ПАЛЛАДИН

Фото Стива ЛИССА

(«Тайм», июль 1989)

⁴ Имеется в виду покушение на Рейгана, совершенное 30 марта 1981 года Джоном Хинкли.